

914

СВОДНІЯ КЪЛАНШ
ДОСУГЪ И ДѢЛО

КУЛИБИНЪ.

РУССКІИ МЕХАНИКЪ - САМОУЧКА.

53:92

К 90

53:92

R 90

Возвратите книгу не позднее
указанного здесь срока.

520¹⁸⁷
175^{30/12}

53.92

R. 90

КУЛИБИНЪ.

РУССКІЙ МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
«ДОСУГЪ и ДѢЛО».

КАЗАНСКОЕ
РАЙОННОЕ
БИБЛИОТЕКА
№ _____

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая,
1897.

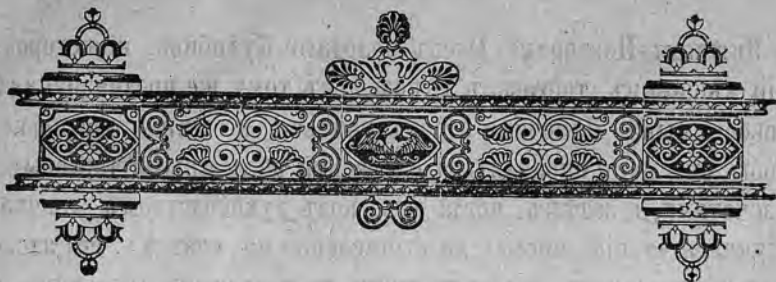
(0-1)

Handwritten notes on the left margin:
17
3107
X
40
✓

КАДЕННАЯ

РАСЧЕТЪ МЕЖАННОУМНОМУ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Августа 1897 года.

КУЛИБИНЪ.

РУССКІЙ МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА.

Кулибинъ принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей. Не смотря на то, что условія его жизни были крайне неблагопріятны, что онъ въ молодости не получилъ почти никакого образованія,—онъ все-таки, съ помощью одного природнаго ума да необыкновенной настойчивости, нерѣдко достигалъ того, что было не по силамъ даже людямъ высокообразованнымъ.

Но сколько это стоило труда, бесполезныхъ усилій—и ради чего? Ради того, что давнымъ-давно было уже извѣстно любому школьнику. Жизнь Кулибина еще разъ подтвердила, что человѣку недостаточно однихъ природныхъ качествъ, а нужны знанія, нужна наука: только наука даетъ человѣку прочную опору и возможность идти твердыми шагами къ намѣченной цѣли.

Однако перейдемъ къ описанію этой замѣчательной жизни. Иванъ Петровичъ Кулибинъ родился 10-го апрѣля 1735 года,

въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ молодаго Булибина, нижегородскій мѣщанинъ, торговаль мукою и къ тому же предназначаль и своего сына. Мальчика отдавъ учиться, но лишь настолько, чтобы онъ могъ справляться съ весьма несложными торговыми расчетами, а затѣмъ, когда онъ, подь руководствомъ дьячка, выучился чтенію, письму да вычисленію на счетахъ, его засадили за прилавокъ, чтобы приучить къ торговымъ оборотамъ и ловкости. Но не торговля интересовала мальчика. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ начала въ немъ проявляться склонность къ механикѣ, — и разныя, хитро-устроенныя диковинныя вещи больше всего привлекали его вниманіе; подолгу засматривался онъ на колокольные часы, на мельницы, — и затѣмъ, тихонько отъ отца, и самъ вырѣзывалъ изъ дерева флюгера, маленькія мельницы и другія дѣтскія игрушки. Отецъ не разъ сердился на него за то, что онъ мало занимается торговымъ дѣломъ, бранилъ его, ломалъ его игрушки и даже билъ, но любознательный мальчикъ не унимался: поплачетъ, поплачетъ, да опять за старое принимается. Какъ — то удалось ему устроить нѣчто въ родѣ маленькой мукомольной мельницы, въ которой были всѣ тѣ части, какія встрѣчаются и въ настоящихъ мельницахъ; это была его первая крупная работа, которая, какъ думалось Ванѣ, понравится и отцу. Но отецъ еще хуже разбранилъ мальчика за нерадѣніе къ торговлѣ и, изломавъ всю мельницу, строго-на-строго запретилъ ему заниматься такими пустяками. Заступился — было за мальчика какой-то добрый сосѣдь, объяснившій разсерженному отцу, что хотя Ваня плохой торговецъ, за то слыветь лучшимъ грамотеемъ и считать большой мастеръ; но отецъ стоялъ на своемъ.

Тяжело было мальчику перенести эту первую, большую неудачу; жаль было ему мельницы, надъ которою онъ провелъ столько бессонныхъ ночей, — но онъ не упалъ духомъ, и сталъ,

напротивъ еще больше заниматься своимъ любимымъ дѣломъ.— Задумался какъ-то молодой Кулибинъ о томъ, отчего въ прудѣ, бывшемъ въ ихъ саду, не живетъ рыба; перенесенная туда изъ рѣки? Мы-то, разумѣется, знаемъ причину этого, но мальчикъ, не сразу—и все-же догадался, что причиною тутъ является стоячая вода,—и вотъ рѣшилъ онъ попытаться сдѣлать такъ, чтобы вода была проточною. При помощи плотинъ, нашъ механикъ собралъ на ближайшей горѣ ключевую воду въ одинъ водоемъ, провелъ оттуда водоспускъ въ прудъ, а изъ пруда лишнюю воду сталъ выпускать при помощи шлюза. Вода въ прудѣ сдѣлалась проточною, а вслѣдствіе этого рыба стала въ ней жить и расти. Эта выдумка была на столько полезна, что даже отецъ, оставшійся ею весьма довольнымъ, похвалилъ Ваню и позволилъ ему открыто заниматься его любимой работою. Отъ такой-то бездѣлицы зависѣло все будущее Ивана Петровича. Часто началъ заглядывать молодой Кулибинъ на соборную колокольню, куда его привлекали часы, особеннаго, весьма замысловатаго устройства. Эти часы показывали движенія нѣкоторыхъ небесныхъ свѣтилъ и, кромѣ того, каждый часъ въ нихъ играла прекрасная музыка. Кулибинъ, какъ ни старался понять ихъ устройство, не могъ достигнуть этой цѣли, такъ какъ не имѣлъ никакихъ познаній въ наукѣ—механикѣ. Вотъ тутъ-то онъ и почувствовалъ всю необходимость въ знаніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ заботиться о томъ, чтобы пріобрѣсти ихъ. Онъ началъ читать всѣ попадавшіяся ему въ руки книги; но ученыхъ книгъ достать было не совсѣмъ-то легко, такъ какъ въ то время на русскомъ языкѣ книгъ о механикѣ почти и не было, а иностранныхъ языковъ Кулибинъ разумѣется, не зналъ. Но вотъ случайно попадаетъ ему «Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ», въ переводѣ Ададурова. Съ большимъ рвеніемъ при-

нялся Кулибинъ за это сочиненіе, перечитывалъ его по нѣсколько разъ, но все-таки много ему оставалось въ ней непонятнымъ; съ небольшою охотою читалъ онъ и «Прибавленія къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», въ которыхъ часто помѣщались извѣстія о разныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ.

Кулибину было уже 18 лѣтъ, когда онъ впервые увидалъ у своего сосѣда, Шабра, деревянные часы съ большими дубовыми колесами. Онъ выпросилъ у сосѣда позволеніе взять эти часы домой и сталъ дѣлать другіе, по образцу этихъ. Такъ какъ у него не было путныхъ инструментовъ, то пришлось всѣ части часовъ выдѣлывать при помощи простаго ножа; разумѣется, что, вслѣдствіе этого, въ сдѣланныхъ имъ частяхъ не могли быть соблюдены требуемая точность и правильность; неудивительно поэтому, что когда часы были собраны—они не пошли. У другаго такія неудачи, пожалуй, отбили-бы охоту къ дальнѣйшимъ работамъ такого рода, но Кулибинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ неудачи не только не отнимаютъ охоты къ дѣлу, но еще болѣе ее усиливаютъ. Но, вѣдь, извѣстно, что одной охотою ничего не сдѣлаешь, коли, какъ говорится, не за что уцѣпиться руками. Кулибинъ былъ именно въ такомъ положеніи: инструментовъ нѣтъ, книгъ нѣтъ, да и денегъ, на которыя-бы онъ могъ купить ихъ, тоже нѣтъ. И долго пришлось бы ему такъ просидѣть, безъ всякаго движенія впередъ, если бы счастливая случайность не дала ему возможности побывать въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что нижегородская ратуша должна была послать въ Москву повѣреннаго для веденія тамъ какого-то тяжёбнаго дѣла; такъ какъ Кулибинъ былъ извѣстенъ не только какъ грамотей—а въ то время грамотеевъ было очень мало,—но и какъ расторопный и честный человѣкъ, то неудивительно что выборъ палъ на Кулибина.

Поѣхалъ онъ туда; только, по дорогѣ въ магистратъ, видитъ,

вывѣску часовщика; остановился онъ, чтобы хоть черезъ стекло полюбоваться на множество самыхъ разнообразныхъ часовъ. Вдругъ видить, что у однихъ стѣнныхъ часовъ открылась дверца, затѣмъ оттуда выскочила кукушка, прокуковала, сколько нужно было пробить часовъ, и опять спряталась. Не вытерпѣлъ тутъ Кулибинъ, зашелъ въ магазинъ, разсказалъ хозяину про свое горе и неудачу, и просилъ добраго совѣта. Хозяинъ магазина оказался человѣкомъ очень хорошимъ, принялъ въ Кулибинъ самое живое участіе и старался, насколько могъ помочь ему. Вотъ, какъ только выдавался у Кулибина свободный часокъ, онъ и бѣжалъ къ часовому мастеру, у котораго внимательно изучалъ работу стѣнныхъ и карманныхъ часовъ; нѣсколькихъ дней достаточно было Кулибину, чтобы понять устройство и разные механизмы часовъ. Но мало того: тотъ-же самый часовщикъ продалъ Кулибину, за самую дешевую цѣну, сверла, зубилокъ, небольшой токарный станокъ, попорченную рѣзальную для колесъ машину и наконецъ научилъ, какъ со всѣмъ этимъ обращаться.

Возвратясь въ Нижній-Новгородъ и исправивъ купленные инструменты, принялся Кулибинъ дѣлать новые часы. Прежде всего сдѣлалъ онъ деревянные съ кукушкою; потомъ, вырѣзавъ и выточивъ деревянные круги, колеса—вообще всѣ части, изъ которыхъ составляются часы, отдавалъ слесарямъ и литейщикамъ дѣлать по этому образцу вещи изъ желѣза или мѣди; такимъ образомъ онъ устроилъ трое мѣдныхъ стѣнныхъ часовъ, которые отлично шли. Часы эти были проданы, а на вырученныя за нихъ деньги Кулибинъ прикупилъ еще новыхъ инструментовъ да матерьяловъ. Часовой механизмъ теперь былъ ему на столько понятенъ, что онъ съ полною увѣренностью началъ брать на себя починку разнаго рода часовъ, и какъ первые заказы были исполнены хорошо и такъ какъ, вдобавокъ, въ то

время въ Нижнемъ-Новгородѣ еще не было ни одного часовщика, то всѣ и стали отдавать часы въ починку Кулибину.

Но больше всего прославился, въ это время, Кулибинъ тѣмъ, что исправилъ у нижегородскаго губернатора, Арше-невскаго, столовые англійскіе часы съ *репетиціею*, т. е. съ такимъ приспособленіемъ, что могли во всякое время выби-вать столько часовъ, сколько на самомъ дѣлѣ показывала часовая стрѣлка.

Послѣ этого отецъ молодаго Кулибина окончательно далъ ему согласіе—оставить торговлю въ лабазѣ, которою онъ, впрочемъ, и то ужъ не особенно занимался; при томъ же Кулибинъ уже былъ не мальчикъ: онъ былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей. Кулибина такъ завалили работою, что онъ долженъ былъ взять себѣ помощника, принять ученикомъ своего земляка Пятерикова, который впослѣдствіи сдѣлался и самъ мастеромъ. Но нужно сказать, что находились люди, которымъ не нравилось занятіе Ивана Петровича; по ихъ глупой мысли непристойно было заниматься такимъ дѣломъ бородачу—«на то, де-нѣмцы есть». Но Иванъ Петровичъ не обращалъ на это вниманіе. Но скоро починка старыхъ часовъ и работа новыхъ, по старымъ образцамъ, перестали интересовать изобрѣтательный умъ Ивана Петровича:—ему хотѣлось идти впередъ, изобрѣсти что-нибудь новое, небывалое. И вотъ задумалъ онъ сдѣлать часы какого-нибудь особеннаго, небывалого еще дотошъ устройства, такіе часы, которые бы обратили на себя вниманіе не только современниковъ, но и потомства. Прежде всего занялся онъ изготовленіемъ чертежей и рисунковъ—и много на это было потрачено труда, но наконецъ онъ ихъ окончилъ; можно-бы приступить и къ самой работѣ, но средствъ у Ивана Петровича не было. Хотя, около этого времени умеръ старикъ Кулибинъ и оставилъ въ

наслѣдство Ивану Петровичу домишко да 700 руб. ассигнаціями, но что это значить при такой семьѣ, какая была у Ивана Петровича: кромѣ своихъ дѣтей, онъ долженъ былъ взять на свое попеченіе еще малолѣтнихъ брата и сестру. Безъ посторонней помощи нечего было и думать о выполненіи задуманной работы; вотъ и рѣшилъ Кулибинъ обратиться къ проживавшему тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ чернорабскому купцу, Михаилу Андреевичу Костромину, человѣку зажиточному и своему хорошему знакомому. Разсказалъ Кулибинъ ему свои планы, показалъ рисунки, и такъ какъ Костроминъ зналъ честность и способности Кулибина, то онъ повѣрилъ возможности устройства дѣловинныхъ часовъ и охотно предложилъ молодому механику свою помощь. Костроминъ не только принялъ на свой счетъ всѣ расходы, нужные для устройства часовъ, но обязался еще и содержать Кулибина, со всѣмъ его семействомъ и помощникомъ, впредь до окончанія часовъ. Самые-же часы рѣшено было поднести императрицѣ Екатеринѣ II. Вскорѣ перебрался Иванъ Петровичъ со всей семьей къ Костромину въ подгородное сельцо *Подновье* и принялся за работу. Быстро подвигалась она, хотя стоила великихъ трудовъ, такъ какъ большую часть инструментовъ, необходимыхъ для такой тонкой работы, приходилось придумывать самому, но вдругъ Кулибину пришлось случайно увидѣть гдѣ-то *телескопъ* *) и *электрическую машину* **), и имъ овладѣло страстное желаніе сдѣлать такіе-же приборы и

*) *Телескопъ* есть зрительная труба, сильно увеличивающая отдаленные предметы и употребляемая для разсматриванія небесныхъ свѣтилъ.

***) *Электрическая машина* есть приборъ для полученія электрической силы, т. е. той силы, которая дѣйствуетъ въ большихъ размѣрахъ во время грозы и производитъ громъ и молнію. Проявленіе этой-же силы, только въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, можно замѣтить, если потремъ кусокъ смолы сукномъ: послѣ тренія смола получаетъ силу притягивать многія легкія вещи (напр. перья, бумагу), и эта сила называется *электрическою*.

онъ, съ согласія Костромина, оставивъ на время часы, принялся за нихъ.

Много неудачъ потерпѣлъ Кулибинъ и въ этомъ случаѣ, въ особенности при устройствѣ телескопа, въ которомъ зеркала должны были быть приготовлены изъ металла, составъ котораго не только не былъ извѣстенъ ему, но и вообще сохранялся въ тайнѣ; принялся Иванъ Петровичъ за книги, много поработалъ надъ ними—и труды его не пропали даромъ: электрическая машина, телескопъ, да вдобавокъ еще и *микроскопъ* *) были устроены.

Въ это время прошла вѣсть о скоромъ прибытіи въ Нижній-Новгородъ императрицы Екатерины II. И, дѣйствительно, 22 мая 1763 года, чуть-ли не цѣлый флотъ, на которомъ ѣхала по Волгѣ императрица съ своей свитою, стала на якорь подъ стѣнами Нижегородскаго кремля.

Губернаторъ, разумѣется, зналъ о затѣянной Кулибинымъ работѣ, о его диковинныхъ часахъ, и доложилъ о немъ, какъ о необыкновенно даровитомъ механикѣ-самоучкѣ, графу Орлову, а тотъ представилъ Кулибина императрицѣ.

Кулибинъ принесъ съ собою и недоконченные часы; императрица съ величайшимъ любопытствомъ выслушала толковыя объясненія Кулибина и приказала, когда часы будутъ готовы, привезти ихъ къ ней въ Петербургъ.

Не много спустя, получилъ Кулибинъ отъ президента—начальника Петербургской академіи, запросъ: «Не желаетъ-ли механическій художникъ Иванъ Петровичъ Кулибинъ опредѣлиться въ Академію, чтобы усовершенствовать себя еще болѣе». Кулибинъ понималъ, что въ Петербургѣ у него въ распоряженіи

*) *Микроскопъ* есть зрительная труба, сильно увеличивающая близкіе предметы.

будеть гораздо больше средствъ и для приобрѣтенія разныхъ познаній и для приложенія ихъ къ дѣлу, поэтому отвѣчалъ, что желаетъ быть при Академіи. И такъ рѣшено было, что онъ поѣдетъ туда тотчасъ по окончаніи своихъ часовъ.

Въ исходѣ 1763 года окончилъ Кулибинъ свою работу и вмѣстѣ съ Костроминымъ отправился въ Петербургъ; часы, разумѣется, не были тоже забыты. Эти удивительные часы были величиною немного меньше гусиного яйца и такой-же формы; они заводились одинъ разъ въ сутки и били часы, половины и четверти. Внутри ихъ, въ воспоминаніе Воскресенія Христова, каждый часъ происходило слѣдующее дѣйствіе: въ исходѣ каждаго часа открывались створныя двери, сдѣланныя въ срединѣ яичка, и глазамъ представлялась въ маломъ видѣ великолѣпная храмина, въ которой противъ створныхъ дверей устроена была палатка на подобіе гроба Господня. Палатка затворена маленькою дверью, съ приваленнымъ къ ней камнемъ, а по обѣимъ сторонамъ гроба стояли два воина съ копьями. Черезъ полминуты послѣ того, какъ открывались створныя двери, появлялся ангелъ, при чемъ камень вдругъ отваливался, дверь въ палатку открывалась и воины падали ницъ. Еще черезъ полминуты приходили къ ангелу двѣ жены Муроносицы и въ это-же время начиналась музыка, трижды повторяющая голосъ стиха: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ», послѣ чего дверцы сами собою закрывались. Стихъ этотъ наигрывался только съ 8 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время сутокъ часы играли— «Воскресъ Исусъ отъ гроба», и, сверхъ того, въ полдень раздавалась третья музыка, на слова, сочиненныя самимъ Кулибинымъ, въ честь прибытія императрицы Екатерины II въ Нижній-Новгородъ. При часахъ была устроена особая стрѣлка, при помощи которой можно было заставить часы играть любую

изъ пѣсней. Нужно прибавить, что часы были составлены изъ тысячи мельчайшихъ колесъ и другихъ, составляющихъ ихъ механизмъ, частицъ. На другой-же день послѣ представленія этихъ диковинныхъ часовъ императрицѣ, были объявлены Кулибину и Костромину слѣдующія Высочайшія повелѣнія:

1) Часы, электрическую машину, телескопъ и микроскопъ, сдѣланные Кулибинымъ, помѣстить въ кунсткамеру, т. е. музей, гдѣ хранятся всякія диковины, и хранить, какъ память необыкновеннаго искусства.

2) Нижегородскаго гунца Кулибина причислить къ Академіи, въ званіи механика, и производить ему жалованья 300 рублей въ годъ.

3) Отдать въ его завѣдываніе механическую мастерскую, находящуюся при Академіи.

4) За часы выдать ему 1000 рублей.

5) Такую-же сумму выдать и купцу Костромину за вспомоществованіе дарованіямъ Кулибина. Сверхъ того, Костромину была пожалована серебряная кружка съ золотымъ портретомъ императрицы.

Скоро объ этихъ наградахъ узналъ весь Петербургъ и всѣ заговорили о необыкновенныхъ способностяхъ механика-самоучки; выставленныя-же въ кунсткамерѣ его изобрѣтенія привлекли огромныя толпы народа и возбудили величайшее удивленіе.

А дѣятельный Кулибинъ, между тѣмъ, уже принялся за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей: порученная ему механическая мастерская Академіи скоро была приведена въ наилучшій порядокъ и въ ней стали не только починять разныя инструменты, но и въ большомъ количествѣ дѣлать новые. Но въ исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей онъ не забывалъ и науку: онъ перечитывалъ всѣ книжки, въ

которыхъ говорилось объ окружающихъ насъ, предметахъ и, подобно знаменитому сыну архангельскаго рыбака Ломоносову, умершему за четыре года до прїѣзда Кулибина въ Петербургъ, изучалъ всѣ явленія природы съ величайшимъ усердіемъ. Такимъ образомъ онъ самъ выучился *физикъ, химіи*, и, занимаясь изученіемъ электрической силы, умудрился примѣнить ее къ освѣщенію ангела въ своихъ диковинныхъ часахъ.

Но нужно сказать, что при этомъ не мало пришлось на долю Ивана Петровича непріятностей и насмѣшекъ, особенно со стороны тогдашнихъ академиковъ, состоявшихъ преимущественно изъ нѣмцевъ. Но Иванъ Петровичъ, весь преданный наукѣ и исполненный желанія трудиться на общую пользу, терпѣливо переносилъ всѣ эти непріятности и продолжалъ неутомимо работать и дѣлать новыя открытія въ своей любимой наукѣ—механикѣ. Долго пришлось бы перечислять всѣ открытія и работы Кулибина; поэтому мы здѣсь упомянемъ лишь о наиболѣе важныхъ *).

Прочиталъ какъ-то Кулибинъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, что англичане обѣщаютъ выдать большую награду тому, кто сдѣлаетъ лучшую модель такого моста, который бы состоялъ изъ одного свода, безъ свай, и только концами своими былъ утвержденъ на берегахъ рѣки. Сильно заинтересовала Кулибина предложенная англичанами задача:—и началъ онъ обдумывать способъ для успѣшнаго разрѣшенія ея. Приготовивши рисунки и сдѣлавъ въ маломъ видѣ образецъ самаго моста, Кулибинъ все это представилъ князю Потемкину; тотъ доложилъ императрицѣ—и Кулибину было выдано 1000 рублей на

*) Полное перечисленіе ихъ можно найти въ воспоминаніяхъ о Кулибинѣ сына Питерикова, напечатанныхъ въ 14 № Москвитянина, за 1853 годъ.

устройство модели въ большомъ видѣ. Четыре года провелъ Кулибинъ надъ этой работою, считая ее особенно полезной, тагъ какъ, въ случаѣ удачи, думалось ему, можно будетъ построить такой-же мостъ и черезъ Неву, несоединенную еще тогда ни однимъ мостомъ. Величина его модели была 14 сажень, то-есть вдесятеро меньшая того моста Невы, гдѣ Кулибинъ думалъ перекинуть мостъ, а тяжесть, которую должна была выдерживать эта модель, въ 5,500 пудовъ. Вычисленія свои Кулибинъ просилъ повѣрить знаменитаго во всей Европѣ ученаго математика Эйлера, и тотъ, послѣ тщательной повѣрки, нашелъ ихъ вполне правильными, что сильно удивило другихъ академиковъ, сомнѣвавшихся въ талантахъ Кулибина и называвшихъ его не механикомъ, а просто «русскимъ плотникомъ». Но вотъ мостъ оконченъ и оставалось только испытать прочность модели. Не задолго передъ тѣмъ академики производили подобное же испытаніе двухъ моделей, построенныхъ настоящими механиками, причемъ ни одна изъ моделей не выдержала назначеннаго груза. Нечего и говорить, что всѣ были увѣрены въ томъ, что та же участь постигнетъ и кулибинскую модель. Ученые нѣмцы заранѣе подсмѣивались надъ исходомъ этой пробы: «Мы уже извѣздили два моста, станемъ доѣзжать и третій!» сказалъ одинъ изъ академиковъ. «Эдакъ, пожалуй, Кулибинъ скоро сдѣлаетъ намъ лѣстницу на небо!» добавилъ другой,—а Кулибинъ все молчалъ, да ожидалъ конца опыта. Вотъ уже 5,500 пудовъ положены; прибавили еще 200; положили еще нѣсколько тысячъ кирпича, но модель стояла; тогда Кулибинъ взошелъ на средину моста, пригласилъ туда всѣхъ академиковъ и даже рабочихъ—мостъ оставался неподвижнымъ. Тогда всѣ единогласно поздравили Кулибина съ блестящимъ успѣхомъ.

Но опытъ этимъ не кончился: ученые академики приказали

оставить мостъ такъ, какъ онъ есть, т. е. со всѣмъ наложеннымъ на него грузомъ; въ разныхъ частяхъ моста подвѣсили на тщательно измѣренныхъ веревочкахъ гири, — и въ теченіи трехъ недѣль ходили они туда и все осматривали, не произошло ли въ мосту какихъ-либо измѣненій, не подалась-ли какая-нибудь изъ его частей, но мостъ стоялъ все время въ одномъ и томъ-же положеніи. Тогда академики донесли императрицѣ, что по образцу кулибинской модели можно построить мостъ и черезъ Неву. Императрица Екатерина II за такое полезное изобрѣтеніе велѣла выдать Кулибину въ награду 2000 рублей. Чтобы понять, какую трудность представляла постройка подобной модели, стоитъ только сказать, что она была составлена изъ 12 тысячъ разной величины брусковъ и изъ 50 тысячъ жестяныхъ винтовъ и скобокъ, при томъ такъ, что, въ случаѣ необходимости въ починкѣ, каждая часть модели могла быть вынута особо, не разстраивая общей связи моста.

Кулибинъ, такимъ образомъ, разрѣшилъ задачу, предложенную англичанами; но, по свойственной ему скромности, онъ не только не требовалъ отъ нихъ обѣщанной за изобрѣтеніе награды, но даже не сообщилъ имъ о немъ.

Еще и до сихъ поръ настоящимъ образомъ неизвѣстно, почему тогда-же не приступили къ постройкѣ, по плану Кулибина, постоянного моста черезъ Неву. Одни говорятъ, что будто-бы въ казнѣ не было денегъ, нужныхъ для этой постройки; другіе говорятъ, что императрица въ то время еще опасалась близкаго сосѣдства шведовъ; приводятъ и другія причины. Какъ-бы тамъ ни было, но мостъ не былъ построенъ, и только 70 лѣтъ спустя, но уже совершенно по иному плану, былъ построенъ теперешній Николаевскій мостъ.

Вскорѣ былъ забытъ не только мостъ, но и самъ Кулибинъ, — и лишь черезъ пятнадцать лѣтъ вспомнили объ Иванѣ Петро-

вичъ, и именно вотъ по какому случаю. Всесильный въ то время Потемкинъ пожелалъ перевезти модель кулибинскаго моста въ Таврическій дворецъ; но Кулибинъ, вмѣсто того, чтобы разбирать его по частямъ, вздумалъ перевезти туда всю модель цѣликомъ, безъ помощи особыхъ хитрыхъ приспособленій: неудивительно поэтому, что когда 14-саженный дугообразный мостъ повезли по улецамъ, то это невиданное зрѣлище заставило собраться посмотрѣть на него многія тысячи народу, и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнило о даровитомъ механикѣ-самоучкѣ.

Мостъ былъ благополучно перевезенъ и установленъ на мѣстѣ; потомъ онъ былъ перевезенъ въ домъ министерства путей сообщеній, потомъ еще куда-то. Нужно впрочемъ сказать, что работа Кулибина все-таки не пропала даромъ: по образцу этого моста стали укрѣплять потолки въ большихъ комнатахъ, манежахъ и тому подобныхъ строеніяхъ.

Кулибинъ, чтобы возможно болѣе ознакомить соотечественниковъ съ своимъ изобрѣтеніемъ, составилъ подробное описаніе его и вмѣстѣ съ объяснительными чертежами отпечаталъ и пустилъ въ продажу. Но такъ какъ въ то время было еще меньше, чѣмъ нынѣ, охотниковъ читать ученыя сочиненія, то Кулибинъ и тутъ потерпѣлъ убытокъ, такъ какъ книжки этой никто не покупалъ.

Тяжело было видѣть Кулибину такую неудачу своего изобрѣтенія, не смотря даже на тѣ награды, которыми не забывала награждать его императрица. Еще во время постройки моста, а именно 16 января 1775 года, Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, Кулибинъ со всей своей семьей былъ исключенъ изъ подушнаго оклада *), а спустя годъ послѣ

*) Изъ этого слѣдуетъ, что втеченіи пяти предшествовавшихъ лѣтъ Кулибинъ, состоя при Академіи въ званіи механика и получалъ отъ казны за это жалованье, въ то же время не былъ исключенъ изъ подушнаго оклада и платилъ подати какъ за себя, такъ и за свою семью.

55.92
K-90

постройки моста, императрица пожаловала ему золотую медаль въ 34 золотника вѣсомъ, на андреевской лентѣ, съ надписью на одной сторонѣ: «Академія наукъ механику Ивану Кулибину», а на другой: «Достойному». Эта медаль золотая въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предоставляла Кулибину нѣкоторыя преимущества. Но Кулибинъ работалъ не для этого; когда нѣкоторые стали уговаривать его сбрить бороду, одѣться въ нѣмецкое платье и поступить въ службу чиновникомъ, то Иванъ Петровичъ отказался. Вся его мысль была — принести обществу пользу, и борода поэтому, по мнѣнію Ивана Петровича, не была помѣхою; что же касается до наградъ, то величайшею изъ нихъ онъ считалъ успѣхъ своихъ изобрѣтеній.

Вслѣдъ за висячимъ мостомъ, придумалъ Кулибинъ особаго рода фонари, которые давали необыкновенно сильный свѣтъ, благодаря тому, что въ нихъ свѣтъ свѣчи отражался во множествѣ зеркальных кусочковъ, вслѣдствіе чего и увеличивался. Польза и удобство такихъ фонарей были несомнѣнными — и вотъ посылались со всѣхъ сторонъ къ Кулибину заказы. Онъ нанялъ работниковъ, исполнялъ заказы; но оказалось, что многіе изъ заказчиковъ не пришли за ними, почему всѣ фонарщики и ламповщики, узнавъ объ этомъ и познакомившись съ необыкновенно простымъ устройствомъ этихъ фонарей, стали тоже дѣлать и продавать ихъ. Такимъ образомъ у Кулибина осталось непроданныхъ больше половины фонарей. Но, конечно, фонарщики не могли соперничать съ Кулибинымъ по части умѣнья устроить фонарь, установить стекла такимъ образомъ, чтобы получился наиболѣе сильный свѣтъ, такъ напр.; говорятъ, что онъ однажды вечеромъ выставилъ въ окнѣ своей квартиры, на Васильевскомъ островѣ, такой фонарь, что по другую сторону Невы, на Англійской набережной, сдѣлалось такъ свѣтло, что можно было читать даже самую мелкую печать. Но Кулибинъ

Кулибинъ.

ВИБЛЮТЕКА

былъ не торговецъ, не умѣлъ, да и не хотѣлъ извлекать для себя выгоды изъ своихъ изобрѣтеній. Онъ радовался, что его изобрѣтенія, такъ или иначе, служатъ людямъ.

Нужно сказать, что въ тѣ времена, когда жилъ и трудился Иванъ Петровичъ Кулибинъ, механика не была въ особенномъ почетѣ. Отъ нея совсѣмъ не ожидали того, что она впоследствии дала людямъ, въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, телеграфовъ и разнаго рода машинъ. На нее больше смотрѣли, какъ на забаву, и отъ механики требовали не полезныхъ изобрѣтеній, а разныхъ хитроумныхъ штукъ, игрушекъ. Вотъ почему, въ угоду сильнымъ придворнымъ вельможамъ, приходилось и Ивану Петровичу не мало тратить времени на изобрѣтеніе и устройство фейерверковъ, небольшихъ вѣтряныхъ мельницъ съ атласными крыльями, механическихъ картонныхъ горъ съ музыкаю внутри и т. д. и т. д. Но нужно отдать ему полную справедливость, что онъ не особенно прельщался такою работою, хотя за нее и очень хорошо платили. Не корыстолюбивъ онъ былъ; онъ и свои послѣдніе гроши тратилъ на разные опыты, отъ которыхъ ожидалъ полезныхъ послѣдствій.

Къ числу подобныхъ, много обѣщавшихъ изобрѣтеній, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ прежде всего отнести изобрѣтенное Кулибинымъ *самоходное судно*.

Въ то время всѣ суда ходили вверхъ по Волгѣ бичевою, которую тянули иногда лошади, а чаще всего люди (бурлаки). Еще въ самой ранней молодости задумывался Кулибинъ надъ тѣмъ, какъ-бы облегчить людямъ эту каторжную работу, какъ бы вообще ускорить и удешевить судоходство. И только въ исходѣ 1782 года окончилъ онъ свое *самоходное судно*, которое, силою одной воды, безъ весель, безъ парусовъ и вообще безъ участія какой-бы то ни было другой силы, могло двигаться съ грузомъ противъ теченія. Вскорѣ объ этомъ было

доведено до свѣдѣнія императрицы, и та повелѣла испытать новое изобрѣтеніе.

Когда князь Вяземскій и члены адмиралтейскаго совѣта, назначенные для испытанія, взошли на судно, стоявшее на Невѣ съ грузомъ въ 4 тысячи пудовъ, и когда Кулибинъ пустил машину въ ходъ, то оказалось, что судно, не смотря на сильный противный вѣтеръ, пошло вверхъ, противъ теченія, съ такою быстротою, что порожній яликъ съ двумя гребцами едва успѣвалъ слѣдить за судномъ. Казалось-бы опытъ долженъ быть признанъ удачнымъ, но и этому открытію не дано было дальнѣйшаго хода. Правда, Кулибинъ, и тутъ получилъ денежную награду, но повторимъ еще разъ, что не такихъ наградъ хотѣлось ему.

Почему это изобрѣтеніе осталось непримѣненнымъ къ дѣлу, такъ и осталось неизвѣстнымъ; но вѣрнѣе всего, что участь этого судна была одинакова съ участью втораго судна, устроеннаго Кулибинымъ впоследствии, въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но объ этомъ послѣ; а теперь расскажем о нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ его, сдѣланныхъ имъ въ Петербургѣ.

Кулибинъ задумалъ устроить такую водяную мельницу, которая могла бы дѣйствовать безъ плотинъ, на большихъ, быстрыхъ рѣкахъ, каковы напр. Нева, Волга, Днѣпръ и проч. Послѣ многочисленныхъ и стоившихъ много труда и денегъ опытовъ, достигъ онъ наконецъ того, что придумалъ такой механизмъ устройства мельницъ, которой дѣйствовалъ и на водѣ, и подъ водою.

Въ часъ-же досуга Иванъ Петровичъ иногда занимался весьма интересными, но не имѣющими такого великаго значенія, работами. Такъ, онъ устроилъ телѣжку на трехъ колесахъ—*самокатку*, которую весьма легко и весьма быстро могъ двигать одинъ человѣкъ, стоило только стать на запятку и поперемен-

но то подымать, то опускать ноги, для которыхъ тамъ было устроено вѣчто въ родѣ башмаковъ. Часто катался въ такой телѣжкѣ Иванъ Петровичъ со своими пріятелями, и думалъ было сдѣлать въ ней улучшения, и затѣмъ доложить освоей выдумкѣ Академіи.

Но вдругъ узнаеть, что подобная-же самокатка была испытуема въ Берлинѣ; разумѣется, онъ не жалѣлъ объ этомъ, но заниматься самокаткою уже не сталъ.

А то однажды поручикъ Непейцынъ, потерявшій ногу при штурмѣ Очакова, обратился шутя къ Кулибину: «Вотъ, вы, Иванъ Петровичъ, много разныхъ чудесъ дѣлаете, — сдѣлайте-ка мнѣ ногу!»

«Хорошо испробую», отвѣтилъ Кулибинъ, и черезъ два мѣсяца явился къ нему съ искусственной ногою. Сдѣлана она была изъ какого то металла, въ видѣ настоящей, затѣмъ обложена пробкою, обтянута замшею, — и къ ней былъ придѣланъ деревянный костыль, доходившій до пазухи. Когда Кулибинъ замѣнилъ безобразную деревяшку Непейцына этой ногою, прикрѣпилъ ее какъ слѣдовало, то Непейцынъ вдругъ началъ очень свободно ходить безъ палки, легко вставалъ, садился, совершенно не дотрогиваясь руками до искусственной ноги, которая, ко всеобщему удивленію, точно настоящая нога, сама стибалась и разгибалась въ плюснѣ и колѣнѣ.

Позднѣе Кулибинъ сдѣлалъ двѣ куклы съ подобными механическими ногами, и когда онѣ были предъявлены ученымъ и докторамъ, то тѣ нашли это изобрѣтеніе, заслуживающимъ полнаго вниманія. Но тутъ приходится опять удивляться: отчего у насъ не воспользовались и не примѣнили къ дѣлу этихъ искусственныхъ ногъ, — а вѣдь потребность въ нихъ была весьма велика: войны тянулись почти непрерывно и безногихъ было не занимать-стать. Здѣсь, между прочимъ, повторялась та же

исторія, что и съ самогatkой: какой-то французъ представилъ Наполеону I искусственную ногу, совершенно похожую на ту, которую изобрѣлъ давнымъ давно Кулибинъ, получилъ большое денежное вознагражденіе, да вдобавокъ еще и *привиллеію*, т. е. право" по которому онъ одинъ и никто больше не смѣетъ готовить такихъ ногъ.

Но чуть-ли не ярче всего высказалась необыкновенная способность Кулибина въ механикѣ, незадолго до его возвращенія на родину, въ Нижній-Новгородъ. Въ 1800 году назначенъ былъ спускъ на воду трехъ военныхъ кораблей: «Святой Анны», «Архистратига Михаила» и «Новой Благодати». Всѣ необходимыя приготовленія къ спуску были уже сдѣланы и ждали только приѣзда Государя Павла Петровича. Между многочисленными зрителями былъ и Кулибинъ. Скоро внимательный и опытный его глазъ замѣтилъ нѣкоторыя погрѣшности въ приспособленіяхъ для спуска «Новой Благодати». Вздумалъ-было онъ сообщить объ этомъ главному строителю кораблей, но тотъ поосовѣтовалъ ему не мѣшаться не въ свое дѣло. Оскорбленному Кулибину только и оставалось уйти и въ толпѣ дожидаться исхода спуска. Первые два корабля сошли благополучно, но «Новая Благодать», остановилась на докѣ, т. е. на устроенномъ для спуска наклонномъ къ водѣ каменномъ фундаментѣ. Какъ ни старались всѣ наши инженеры и механики, и русскіе, и иностранные, — корабль не двигался. Разсерженный государь уѣхалъ и строители не знали просто, какъ выйти изъ этой бѣды такъ какъ у нихъ не было никакой надежды спустить корабль. Вотъ теперь-то вспомнили объ Иванѣ Петровичѣ, котораго нѣсколько часовъ тому назадъ такъ грубо оттолкнули. Но Иванъ Петровичъ не злопамятенъ былъ; онъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы теперь въ это дѣло никто изъ нихъ не смѣлъ вмѣшиваться. Тѣ согласились. Вотъ и принялся онъ прежде

всего за вычисленіе силы, необходимой на то, чтобы сдвинуть «Новую Благодать». Цѣлую ночь провелъ онъ надъ вычисленіями да надъ чертежами, — и на другой день приступилъ къ работѣ. Уничтоживъ всѣ приспособленія, сдѣланныя для спуска строителями, Кулибинъ установилъ на берегу нѣсколько воротовъ и прикрѣпилъ къ нимъ канаты, которыхъ другіе концы опутывали корабль по всѣмъ направленіямъ. Берега рѣки были усеяны народомъ съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ развязки. Кулибинъ разставилъ по мѣстамъ рабочихъ, разсказалъ, что каждому изъ нихъ слѣдуетъ дѣлать, — и когда приготовленія были окончены, самъ взшелъ на корабль и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Дружно налегли сотни рукъ на канатъ — и корабль мгновенно сошелъ на воду, при восторженныхъ крикахъ народа, самодовольно кричавшаго: «Ай-да, русскій мастеръ! Вотъ русскій мужичекъ! Вотъ какъ нашъ братъ, бородачъ! Спасибо, Иванъ Петровичъ!»

Но старость не свой братъ — скоро дала и она себя почувствовать Ивану Петровичу, и захотѣлось ему провести остатокъ дней своихъ на родинѣ. Въ 1801 году, 66-лѣтній Кулибинъ былъ уволенъ, согласно его просьбѣ, отъ занимаемой имъ при Академіи наукъ должности, причемъ ему былъ назначенъ пенсіонъ въ 3000 рублей, и отправился въ свой Нижній-Новгородъ.

Но Кулибинъ не оставилъ мысли объ устройствѣ самоходнаго судна. Получивъ 6 тысячъ рублей на уплату своихъ долговъ, сдѣланныхъ имъ при производствѣ разныхъ опытовъ въ Петербургѣ, да взявъ еще 6 т. рублей впередъ, въ счетъ назначенной ему пенсіи, Кулибинъ рѣшилъ употребить эти деньги на опытъ съ цѣлью улучшенія судоходства на родной Волгѣ. Нижегородцы, наслышавшись о разныхъ диковинныхъ вещахъ, выдуманныхъ ихъ землякомъ, по необразованности своей при-

няли его за колдуна, но разумеется Кулибинъ, при своемъ обширномъ умѣ, не могъ придавать этому большаго значенія; онъ продолжалъ трудиться и въ концѣ концовъ, благодаря своимъ качествамъ, приобрѣлъ всеобщій почетъ и уваженіе.

Объѣхавъ Волгу и Оку и опредѣливъ быстроту ихъ теченія, Иванъ Петровичъ принялся за постройку новаго *самоходнаго* судна. Около трехъ лѣтъ усердно трудился престарѣлый механикъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья: цѣлые дни и ночи проводилъ онъ на Волгѣ, при постройкѣ своего судна, перенося и дождь, и вѣтеръ, и холодъ. Наконецъ машина была окончена и Кулибинъ обратился съ просьбою къ правительству, по испытаніи, принять ее отъ него. Въ сентябрѣ 1804 г., въ присутствіи нижегородскаго губернатора, многихъ чиновниковъ, дворянъ, купцовъ и безчисленной толпы народа, была произведена проба—и она оказалась блистательною: нагруженное судно силою одной воды пошло противъ теченія со скоростію 410 сажень въ часъ.

Всѣ присутствовавшіе при этой пробѣ рѣшили, что изобрѣтеніе очень важно и общааетъ государству огромныя выгоды. Губернаторъ донесъ министру торговли графу Румянцеву, но цѣлый годъ ничего не было извѣстно объ участи, постигшей судно, при обещаніи о немъ высшаго правительства. Тогда Кулибинъ обратился къ Государю Александру Павловичу съ просьбой принять отъ него машину. Въ просьбѣ своей Кулибинъ излагалъ всѣ выгоды, могущія произойти отъ примненія къ дѣлу этого судна, предлагалъ безплатно помогать въ устройствѣ такихъ судовъ всякому, кто пожелаетъ завести ихъ; для себя же просилъ только возвращенія тѣхъ издержекъ, которыя онъ понесъ при постройкѣ судна. Просьба Кулибина, вмѣстѣ съ чертежами и описаніемъ судна, была передана для разсмотрѣнія генералъ-лейтенанту Деволанту. Тотъ написалъ

о суднѣ свои замѣчанія. Кулибинъ, отвѣчая на эти замѣчанія, доказалъ, что замѣчанія невѣрны. Но только черезъ три года получилъ предписаніе о сдачѣ судна нижегородской ратушѣ, куда возвращены были чертежи, «чтобы, какъ говорилось въ предписаніи, купечество могло имъ пользоваться и строить себѣ такія суда, для своей *доказанной выгоды*». Вмѣстѣ съ тѣмъ были возвращены Кулибину и потраченныя имъ на постройку судна деньги.

Думалось теперь Кулибину, что вотъ, хоть подъ конецъ жизни исполнится его завѣтная мысль, объ улучшеніи судоходства. Но не тутъ то было: никто не хотѣлъ строить такихъ судовъ, и нижегородская дума, видя, что судно это только вызываетъ одни расходы, не принося никакой пользы, испросила разрѣшеніе продать его съ публичнаго торга, и послѣ того, какъ разрѣшеніе было дано, судно продано за весьма дешевую цѣну, *на дрова!* Тяжело было старику-Кулибину переживать участь постигшую его *дѣтище*. Но онъ перенесъ горе и уже обдумывалъ постройку постояннаго желѣзнаго моста черезъ Неву. Кулибинъ приготовилъ чертежи этого моста, составилъ описаніе всѣхъ работъ, и ожидалъ удобнаго случая, чтобы представить этотъ проектъ; но такъ и не дождался такого случая.

Вообще судьба не особенно благоволила Кулибину. въ 1813 г. когда ему было 80 лѣтъ, сгорѣлъ вновь выстроенный двухъ-этажный домъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и маленькій старый домишко. Если бы не бывшій ученикъ стараго механика, Пятериковъ, принявшій къ себѣ многочисленную семью своего учителя, то послѣднему и пріютиться негдѣ было. Не желая обременять Пятерикова, онъ скоро перебрался оттуда къ своему зятю, Попову, жившему въ семи верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, и за тѣмъ, черезъ полгода, въ счетъ своего пенсіона, купилъ старый, почти развалившійся домикъ и переселился туда съ *своей* семьей. Много

онъ тутъ вытерпѣлъ нужды и непріятностей, но никогда не падалъ духомъ и не переставалъ работать. Даже болѣзненные припадки, которымъ онъ былъ подверженъ въ послѣдніе три года своей жизни, не мѣшали ему работать. Если онъ не могъ встать съ постели, то, хоть лежа, занимался различными вычислениями и чертежами. 30 Іюня, 1818 года разнеслась по Нижнему-Новгороду вѣсть о смерти Кулибина, — и все искренно пожалѣли объ этомъ человѣкѣ, котораго никто не могъ ни въ чемъ упрекнуть. Кромѣ имени вѣчнаго труженника, да честнаго, безукоризненнаго человѣка — ничего не оставилъ Иванъ Петровичъ своимъ дѣтямъ; даже похоронить его не на что было, такъ что Пятериковъ опять предложилъ свою помощь опечаленной семьѣ, — и принялъ на себя хлопоты и издержки по погребенію.

Въ день похоронъ къ убогому домику собрался чуть-ли не весь Нижній-Новгородъ. Явились учителя нижегородской гимназіи съ учениками и просили позволенія проводить покойника изъ уваженія къ его дарованіямъ и трудамъ. Именитѣйшіе граждане понесли на себѣ гробъ, однимъ словомъ — всѣ граждане нижегородскіе собрались, чтобы отдать послѣдній почетъ истиннымъ достоинствамъ своего соотчича.

Жизнь эта, повторяемъ, еще разъ подтверждаетъ, что какъ бы великъ ни былъ талантъ человѣка, но правильное обученіе ему необходимо. Если-бы Кулибинъ, обладавшій такимъ необыкновеннымъ дарованіемъ, получилъ настоящее образованіе, то не сомнѣнно, что дѣятельность его принесла-бы обществу еще больше пользы. Если-бы ему не приходилось цѣлые годы тратить на изученіе механизма часовъ и тому подобныхъ давно извѣстныхъ вещей, то Ивана Петровича Кулибина теперь зналъ бы весь міръ.

1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

29

Книга прошение
сир. бее.

31/IV-52. Руконотъ
Прощение сир

сир. бее. 21/IV-55

Купонъ

БЪЕВЫЕ ПОДВИГИ РУССКОЙ АРМІИ.

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ.

Отъ времени Петра Великаго, когда едва набранная и на-скоро обученная русская армія на-голову разбила первыя войска въ Европѣ, до послѣдней турецкой войны, въ которой тотъ же русский солдатъ на удивленіе всего міра зимою перешелъ самъ и перетаскалъ вслѣдъ за собою артиллорію чрезъ снѣжныя вершины Балканскихъ горъ — русская армія своею доблестью являла примѣры изумительнаго геройства какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Въ видахъ нагляднаго изображенія такихъ геройскихъ подвиговъ какъ дѣльхъ частей войскъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ редакція журнала «Досугъ и Дѣло», съ одобренія военнаго министра и съ ВЫСОЧАЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволенія, съ 1888 г. издаетъ рядъ хромолитографическихъ картинъ, изображающихъ боевыя подвиги русскаго солдата. Для исполненія этого, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было разрѣшить снять копія съ картинъ, находящихся въ Зимнемъ дворцѣ.

Съ 1888 года редакція издала два выпуска такихъ картинъ. Нынѣ вышелъ 3-й выпускъ, который, подобно двумъ предыдущимъ, состоитъ также изъ четырехъ картинъ слѣдующаго содержания: 1) «Подвигъ мужества и преданности долгу бомбардира Микитина въ Средней Азіи»; 2) «Подвигъ куна Иголкина во время войны Петра Великаго съ Карломъ XII»; 3) «Вой подѣ Плевной за Зеленныя горы»; 4) «Бой на Шинкѣ».

Подписная цѣна на этотъ выпускъ для выписывающихъ «Досугъ и Дѣло» на 1897 г., 5 р. съ пересылкою 5 р. 50; для прочихъ 6 р. безъ пересылки и 7 р. съ пересылкою.

Подписка какъ на журналъ на 1897 годъ, такъ и на 3-й выпускъ открыта въ редакціи журнала «Досугъ и Дѣло» (Фонтанка 145).

Изъ первыхъ двухъ выпусковъ осталась только одна картина «Подвигъ радоваго Кореннаго», цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.